

Максим Осипов: «Уехал - значит, уехал» | Maxime Ossipov : « Parti, c'est parti »

Author: Надежда Сикорская, [Монтрише](#) , 03.08.2022.

Максим Осипов © Nashagazeta

Воспользовавшись пребыванием российского писателя в резиденции в Литературном фонде Яна Михальского, мы поговорили с ним о том, что больше всего волнует сегодня всех нас, – о войне и мире.

|

Ayant profité de la présence de l'écrivain russe dans la résidence à la Fondation Jan Michalski nous lui avons parlé de ce qui nous préoccupe tous – de la guerre et de la paix.

Maxime Ossipov : « Parti, c'est parti »

Наша Газета рассказывала вам о Максиме Осипове в прошлом году, когда он приезжал для участия в третьем по счету международном литературном фестивале, ежегодно проходящем в Литературном фонде Яна Михальского в Монтрише, так что с его краткой биографией вы можете ознакомиться [здесь](#). С тех пор ситуация кардинально изменилась – как и для многих представителей российской интеллигенции, 24 февраля 2022 года в жизни Максима Осипова начался новый этап. И вот он снова здесь, в Швейцарии, теперь уже на целый месяц.

Наша Газета: Максим, что привело Вас в Монтрише на этот раз?

Максим Осипов: Я уехал из России 4 марта, сначала в Армению, потом в Германию, где живет моя дочь Марьяна с семьей. Она и ее муж Дмитрий – музыканты, играют в Элиот-квартете. (Не могу не похвастаться, что название квартета, Eliot Quartett, придумал я – в честь Т.С. Элиота, последняя поэма которого называется «Четыре квартета» и которая в свою очередь была вдохновлена медленной частью опуса 132 Бетховена.) Так что было, куда ехать. На мое счастье, оказалось, что в Европе у меня больше друзей, чем я предполагал. Сначала я смог провести три месяца в Wissenschaftskolleg zu Berlin, прекрасном месте, о котором я только что написал короткое эссе. А в Швейцарию приехал по предложению Веры Михальски-Хоффманн – хотелось воспользоваться летней паузой, чтобы поработать.

И как работается?

Признаться, не очень хорошо. Но что-то, мне кажется, я напишу. Пока что сочиняю рассказ под названием «Снегири», довольно грустный, про любовь на фоне войны.

Что мешает работать?

Знаете, когда все это началось, я пережил всплеск активности – даже не творческой, а бытовой, «двигательной». А сейчас наступила подавленность. «Внимая ужасам войны», одним словом. Ведь вся жизнь переменялась. Понятно, что мои страдания – ничто по сравнению с тем, что испытывают люди, живущие в Харькове или Львове: когда смотришь на ставшую знаменитой фотографию, на которой плотная толпа людей на вокзале ожидает отправки поезда, то понимаешь, что там нет ни одного не несчастного человека. И понимаешь, что повинна в этом твоя страна, как ни крути. Можно рассуждать о коллективной ответственности или вине. Признаться, я в этих категориях не разобрался и вряд ли разберусь. Но просто стыдно. Стыда добавил и огромный увиденный на улице Москвы перед отъездом плакат «Нам не стыдно». Вся многовековая русская культура была за то, что стыдно. А тут от моего имени, в частности, объявляют, что нам не стыдно. И от этого становится еще стыднее.

Когда началась война, молчание россиян в их массе кто-то объяснял растерянностью, непониманием происходящего. С тех пор было время разобраться. Не секрет, что в российском обществе произошел раскол, рвутся отношения между многолетними друзьями, между членами семей. Я не знаю, как этот раскол объяснить, а Вы?

Он объясняется эффективностью пропаганды, она в России невероятно эффективна. У меня есть дальний родственник, с которым я порвал отношения еще после Крыма. Расставаясь, я сказал, что если соскучусь по нему, то включу телевизор – на пять или десять минут.

Пропаганда в России организована таким образом, чтобы заставить человека не делать ничего, оставаться сидеть на диване. Обилие версий одного и того же события, часто взаимоисключающих, обилие «экспертных мнений» и научных терминов парализует обывателя, лишая его возможности – да и желания – разобраться, что к чему. Люди дали заморочить себе голову.

Пропаганда была и раньше. Но была же у нас двадцатилетняя пауза, за которую россиянам подробно и доходчиво рассказали про всю ту ложь, на которой держалось советское общество. Почему же общество в «новой» России с такой легкостью вернулось туда, откуда вроде бы ушло?

Думаю, дело в составе людей. Помните знаменитую фотографию: толпа возле Манежа требует отмены 6-й статьи Конституции «О руководящей роли КПСС»? Это было 4 февраля 1990 года. Так вот, толпа эта состояла в основном из инженеров. Возможно, многие из них не различили бы по качеству текста «Доктор Живаго» от Рыбакова или Дудинцева, но разницу между нулем и единицей они понимали. Им была важна правда, а правды в СССР очень боялись.

Сейчас правды не боятся: людям предлагают сразу много разных правд. А «масса» сегодня состоит, в основном, не из инженеров, а из юристов, экономистов и менеджеров, которым важна не правда, а позиция. Все относительно, приблизительно: дважды два может быть и пять, и три, и четыре с половиной. Качество людей в России сильно изменилось.

Возвращаясь к вопросу о коллективной ответственности. Наверное, да, люди виноваты, но растлить, развратить можно кого угодно. Именно этим занимался Владимир Путин все время своего правления. И достиг результата.

Первые 27 лет своей жизни я прожил при социализме, теперь мне предлагают пожить при тоталитаризме. А мне не хочется. Тем более, что теперь я знаю, что можно жить по-другому.

В первое время после начала войны еще ожидался массовый протест российского населения. Теперь ясно, что его не будет...

Не будет, и он был бы бессмысленным – ну какой массовый протест в Германии в 1943 году?!

4 февраля 1990 года более 300 тысяч москвичей вышли на площадь 50-летия Октября (ныне Манежная) с требованием отменить 6-ю статью брежневской Конституции, закрепляющую «руководящую роль КПСС» © D. Boriko

Что, по-Вашему, будет дальше?

Думаю, будет поражение в войне. Вопрос в том, удастся ли выдать его за победу.

Одним из основополагающих элементов в процессе формирования нации, который происходит сейчас в Украине, является, увы, ненависть к России и всему русскому. В конце 1940-х невозможно было представить себе, что когда-нибудь евреи из СССР будут эмигрировать в Германию, однако это произошло. Как Вы думаете, сколько времени потребуется, чтобы ушла ненависть?

Как я уже сказал, я только что прожил три месяца в Берлине. Моим соседом там оказался знаменитый украинский композитор Валентин Сильвестров. С самого начала у нас установились с ним очень хорошие отношения – мы разговаривали обо всем на свете, хотя его внук остался в Киеве, в теробороне. Были там и украинцы, которые разговаривать со мной не хотели, и их я тоже понимаю. Сам я взял себе за правило первым с украинцами не заговаривать. В Германии в поезде беженцев из Украины легко узнать. По-немецки или по-английски они чаще всего не говорят, так что я показывал, где туалет, где детская комната с игрушками. А потом они спрашивали: «Вы с Украины или... (пауза) давно тут?» И отвечаешь – «давно тут». Название нашей страны им произносить не хочется. Но общаемся мы по-русски. Думаю, сейчас не стоит особенно напряженно думать о том, простят или не простят. Надо, чтобы война поскорее прекратилась на хороших для Украины условиях.

Вы – российский русскоязычный писатель. Одно из активных направлений

пропаганды в России - о притеснении русской культуры, о всеобщей нелюбви к русским. Что Вы об этом думаете?

Позвольте процитировать собственное эссе «Свента», написанное в 2017 году. «Только и слышишь: "Там-то и там-то нас не любят" – друзья мои, больше всего вас не любят дома, в Москве». Русскую культуру тоже сейчас сильнее всего притесняют там, в России: посмотрите, сколько театров и изданий закрыли, сколько режиссеров, артистов, литераторов, музыкантов были вынуждены покинуть страну. За публичную демонстрацию тома «Войны и мира» можно получить административное взыскание, а то и уголовное дело. Ну а если где-нибудь в Вильнюсе лишний раз не станцуют «Щелкунчика», то это на фоне гибели людей не кажется ни большой, ни малой бедой.

Считаете ли Вы, что каждый русский человек, в частности деятель культуры, должен публично выразить свое отношение к войне?

Поначалу (в марте) мне казалось допустимым и даже желательным спрашивать у российских музыкантов и других культурных деятелей, как они относятся к войне. Теперь мне это не кажется допустимым, особенно если спрашивает чиновник или, скажем, импресарио, о которого зависит твоя судьба. (Речь не о тех деятелях, кто открыто поддерживают войну и не о позиции «над схваткой», мне отвратительной, а просто о праве молчать.) И уж во всяком случае, прежде чем спрашивать, надо перестать покупать российский газ. То есть сам я живо интересуюсь тем, кто что думает, и без колебаний рву отношения даже с теми, кто говорит, что все сложно, но если бы я продолжал работать врачом, то не имел бы права спрашивать у пациентов, как они относятся к войне.

Моя позиция, мое отношение известны. Но каждый должен сам разобраться со своей совестью, нельзя это делать из-под палки. Вообще же, мне кажется, русскому литератору сейчас надо набраться терпения и смирения – не литераторы решают исход войны, а художественные произведения о ней обычно создаются после ее окончания.

Вы думаете, после этой войны тоже появятся значительные художественные произведения?

Думаю, да. Уже появился очень сильный цикл стихов Юлия Гуголева, стихи Марии Степановой. Не замечать войну – противоестественное состояние для человека, особенно творческого.

Многих удивило и обеспокоило решение российских властей прекратить деятельность в стране израильского агентства «Сохнут» под предлогом, что оно содействует вывозу научных кадров, а также в ответ на закрытие в Европе представительств «Русского мира» и «Россотрудничества». Странно, что начали с Израиля, который на тот момент к санкциям не присоединился, но теперь угрожает присоединиться, если решение не будет отозвано.

В критических для себя ситуациях советская власть нередко разыгрывала антисемитскую карту, и видимо, российская решила пойти по тому же пути. Антисемитизм в нашей стране традиционно спускается сверху, на бытовом уровне он на удивление низок. В СССР слово «еврей» было ругательством и вообще не произносилось. Оно считалось столь же неприличным, как «промежность» или

«мошонка» – не напишешь же такое на первой странице «Правды», место этим терминам в медицинских учебниках. В школьных журналах была графа для указания национальности родителей. Против имени моего отца – Фихмана Александра Михайловича – стоял пропуск. Сейчас графы такой нет, но поджечь фитиль очень легко.

Многочисленные варианты на такую тему можно увидеть в России сегодня

Ответственность за развязывание войны лежит на России. Но не сыграла ли Европа негативную роль, не создала ли она предпосылок для этого конфликта?

Не мне судить Европу. Но когда понимаешь, в какую зависимость от российского газа она себя поставила, то это представляется не очень разумным. Думаю, однако, что европейцы сами разберутся.

Они-то, разберутся, а разберутся ли россияне?

Я слабо верю в способность россиян к такой рефлексии, к такой работе над собой, какую проделали немцы – при этом заметим, что им в этом сильно помогли и проделывать они эту работу начали не сразу.

В России большинство ситуаций просто не разрешаются никак: а, мол, проехали (вспомните тот же суд над КПСС). Это очень русская черта — натворить бед, а потом сказать: да ладно, кто старое помянет... И даже когда делаются попытки восстановить историческую правду, например с расстрелом польских офицеров в Катыни, то и они потом отменяются. Боюсь, так будет и на этот раз.

Неспособность признать вину и извиниться, незавершенность, нерасставленность точек над і...

Согласен, все это ведет к моральной деградации страны и делает возможным повторение трагического опыта. России надо понять такую вещь: в начале 20-го века каждый десятый житель Земли был подданным Российской империи. С тех пор этот показатель уменьшился в семь или восемь раз – в сущности Россия не пережила 20-й век, все сталинские чудеса индустриализации произошли за счет опустошения страны. Надо отдать себе в этом отчет и понять, что мы не какая-то супердержава, а просто одна из стран, больших, но и в других странах есть математики, врачи, скрипачи, шахматисты. Надо сбавить спесь. Можно, как в поредевшей семье, распределить обязанности и попытаться жить дальше по-человечески, а можно напиться, украсть у соседа телевизор и бить себя в грудь, крича «Мы самые великие». Пока Россия этого не осознает, к лучшему ничего не изменится.

Можете ли Вы вернуться в Россию и помышляете ли об этом?

Теоретически, могу – паспорт есть, кружным путем можно добраться до дома. Но думать о такой возможности я себе запрещаю. К счастью, вся моя семья выехала. Конечно, могут возникнуть тяжелые ситуации, например заболеет или умрет близкий друг. Не думаю, чтобы, приехав сейчас в Россию, я подвергался большой опасности, но это дело случая, и именно в иррациональности, в беззаконии – сила этого режима. Вообще же, если воспринимать свою жизнь всерьез (а я стараюсь так и поступать), то эмиграция должна быть эмиграцией, уехал – значит, уехал.

От редакции: Если вы еще не знакомы с творчеством Максима Осипова, то предлагаем посетить [личный сайт](#) писателя, где находятся большинство его сочинений.

[Израиль](#)

Статьи по теме

[«Это не моя война»](#)

[Людмила Улицкая: «Штатается все, что казалось незыблемым»](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/maksim-osipov-uehal-znachit-uehal>